

Зинаида Николаевна СОКОВА —
 профессор кафедры новой истории
 и международных отношений,
 доктор исторических наук

УДК 957. 40

БЮРОКРАТИЯ И ОБЩЕСТВО (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ)

АННОТАЦИЯ. Автор рассматривает взаимодействие африканской бюрократии и общества в период демократических реформ.

The author considers the interaction of African bureaucracy and society in the period of democratic reforms.

В первые десятилетия независимости африканских стран в условиях неразвитости социальной структуры общества основное место в процессе модернизации традиционных отношений, создании основ современной жизни было отведено государству. В 1970-е гг., когда значительно усилилась регулирующая роль государства и вырос государственный сектор экономики, представлялось, что структуры государственной власти — это «штаб» африканского общества, дающий импульсы для его трансформации. Историческое своеобразие условий развития африканских стран, масштабы и характер стоящих перед ними задач, — писали авторы одного из исследований этого периода, — предопределяют активное вмешательство государства в сферы экономики и социальных отношений [1].

В 1980-е гг. в условиях социально-экономического кризиса произошло ослабление влияния государственных институтов на процессы развития общества, проявившееся прежде всего в деэтизации экономической сферы. В тот же период усилилась тенденция к фактическому переходу функций принятия важнейших решений к международным финансовым организациям. Выросло значение различных негосударственных институтов, приспособливающих к своим интересам функции государственной власти [2]. Эти процессы свидетельствовали о кризисе государства в африканских странах. Его симптомы проявились уже в первые годы независимого развития. Деградация государства нашла отражение в самодовлеющем характере властных структур, в преимущественном развитии аппарата принуждения, неспособности правящих групп решить многочисленные общественные проблемы. Кризис «государственной идеи» проявился в нежизнеспособности созданных в конце 1950-х — начале 1960-х гг. квазидемократических режимов, политической нестабильности, военных переворотах.

Проект реформ, реализуемый ныне под давлением Запада в африканских странах, связан с развитием рыночных отношений и сокращением роли государства в экономике и других сферах. Однако требование сокращения роли государства не соответствует реалиям местного общества. Как показывает опыт последних полутора десятилетий, осуществление неолиберальной социально-экономической стратегии в африканских странах ведет к дезинтеграции общества, к маргинализации огромных масс населения, не сумевших найти место в новой экономической ситуации, и в результате — к росту числа социальных конфликтов. Поддержание необходимого баланса между различными группами населения, обеспечение его основных потребностей делают необходимым высокую степень участия государства в экономике и общественном развитии. Э. Э. Осагхэ, профессор политологии из ЮАР, отметил, что «одним из парадоксов современной ситуации в Африке является то

обстоятельство, что политика либерализма требует усиления роли государства, а не ее ослабления» [3]. Отечественный экономист В. В. Павлова также считает, что «значительное государственное вмешательство особенно необходимо при осуществлении системной трансформации в условиях сопротивления консервативного крыла общества.. Единая воля требуется для управления вертикальными структурами исполнительной власти с целью компенсации издержек распада старого партийно-государственного аппарата, скреплявшего общество в отсутствие институтов самоорганизации» [4]. Можно предположить, что государственные институты будут по-прежнему занимать важное место и в социально-политическом развитии африканских стран. В этой связи первостепенное значение приобретают перспективы качественного изменения государства и политических систем на континенте.

В отечественной литературе отмечалось, что исключительно важная роль государства в африканских странах ведет к установлению его господства над обществом [5]. В период независимости объем власти государственных институтов расширялся без соответствующего развития его социальной базы. Повышение роли исполнительных структур, сверхцентрализация государственной власти фактически изолировали государство от общества.

В Западной Европе возвышение государства как особого социального института относится к XVI-XVIII векам. Этот процесс был результатом становления национального капитализма. В ходе капиталистической эволюции складывалась тесная связь между формирующимся гражданским обществом и становлением государства как национально-политической общности.

В африканских странах возвышение современного государства произошло сравнительно недавно и было обусловлено подъемом национально-освободительного движения после Второй мировой войны. Его генезис выражал потребность стран континента в модернизации и трансформации [6]. Развитие капитализма, подталкиваемое извне, принимало зависимые, неорганические, периферийные формы. Эта особенность тормозила процесс становления национальной государственности и придавала ему специфический характер. Для государства такого типа характерны преобладающее влияние правящих групп на процессы развития, упование на всемогущество исполнительной власти, навязывание воли государства гражданскому обществу, преобладание авторитарных методов политического руководства. В Западной Африке разрыв между состоянием реального общества и государством носит структурный характер [7]. Политическая общность населения строится в национально-политических формах, по типу современного государственного устройства западных стран, тогда как реальное общество представлено различными этническими общностями, которые не достигли стадии образования нации. Потребности экономического развития, стремление покончить с трибализмом, собственные интересы бюрократии побуждают правящие режимы форсировать интеграционные процессы в своих странах. Однако в реальном африканском обществе наряду с тенденциями к объединению наблюдается усиление регионализма, сепаратизма и этноцентризма.

Последние исследования отношений между государством и обществом в африканских странах показали, что большинство политических систем характеризуются ограниченными суверенитетом и легитимностью государства, отражающими непрочность и нестабильность политических систем; узким спектром включенности граждан в формальный политический процесс; весьма незначительной вовлеченностью автономных общественных групп в государственную сферу [8]. Эти черты обусловлены историей взаимоотношений государства и общества и характером социально-политического развития после обретения независимости.

В системах государственного управления стран Западной Африки как в колониальный период, так и в условиях независимости преобладала автократическая тенденция. Прерогативы политической власти были сосредоточены в руках государ-

ственной бюрократии, которая использовала в целях поддержания своего господства методы насилия и подавления. Государственному управлению присущ бюрократический централизм, превращающий в фикцию существование представительных учреждений. Слабые административные возможности и персонализация власти препятствуют соблюдению законов и складыванию правового государства. По мнению американского исследователя П.- М. Льюиса, «современное африканское государство основывается преимущественно на патримониальных формах государственной консолидации и управления. Оно отчуждено от своих обществ... Патримониальная власть произвольна и капризна и не дает гарантий уважения прав собственности, гражданских прав и свобод» [9].

Этатистский характер стратегии развития, наблюдавшийся в 1960–1970 гг., способствовал концентрации классов образования и индивидуальной социальной мобильности лишь в государственной сфере. Соединение экономического этатизма с патримониальной формой управления порождало зависимость частных предпринимателей от властных структур. Это значительно сужало социальную базу формирования сил, способных оспаривать прерогативы государства. Напротив, господство власти-собственности приводило к тому, что захват государственной власти и отдельных звеньев государственной машины становился главным средством экономического и социального продвижения и успеха в обществе. «Одна негосударственная структура за другой перестают выполнять свои прямые функции... посредника между гражданами и государством.. Все они сражаются за контроль над государством» [10]. Государство, по определению Дж. Ф. Медара, становится одновременно «грабителем общества» и «добычей общества» [11].

В странах Западной Африки сохранение традиционных социальных отношений и характер связей между государством и обществом создают слабую основу для появления гражданского общества [12]. Известно, что различие государства и общества возникло в Западной Европе в особых исторических условиях, включающих цепь взаимосвязанных изменений в государстве, экономике и формах социальной организации. Концепция гражданского общества была реакцией на появление современного правового и рационального государства, основанного на территориальном суверенитете, власти закона, принадлежности к единой «нации-государству», профессиональной бюрократии. Идея автономной частной сферы возникла в противовес всеохватывающей власти государства.. Индивид воспринимался как носитель двух ипостасей — члена гражданского общества и подданного государства.

По мнению М. Вебера, государство есть отношение господства, опирающееся на легитимное насилие. Оно предполагает взаимное ожидание: того, кто приказывает, — что его приказу будут повиноваться; тех, кто повинуются, — что приказ будет иметь тот характер, который ими признается законным и справедливым [13]. Эта взаимосвязь, названная М. Вебером легальным типом господства, основана на подчинении закону.

Наиболее совершенным типом легального господства он считал бюрократию. Но ее задача заключается в том, чтобы всегда держаться в стороне, быть дирижером социальной жизни и реализации прав личности [14]. В свою очередь, это становится возможным, если бюрократия уступает свое монопольное место в структуре управления и входит в отношения партнерства с другими группами общества, регулируемые правовыми нормами и опирающиеся на развитые рыночные отношения..

В африканских странах, где власть основана больше на насилии, чем на законе, наблюдается стремление государственных институтов подчинить элементы гражданского общества. В течение длительного периода времени государственная власть была монополизирована правящими группами, которые осуществляли управление в своих собственных интересах и почти не испытывали давления со стороны общества. Такая ситуация во многом объясняется живучестью традиционных норм соци-

альной и общественной жизни. Американский исследователь Г. Алмонд обращал внимание на невозможность появления рациональной бюрократии веберовского типа в условиях иррациональности культур, возникающих в результате смешения местных традиций с западными нововведениями [15].

В ходе возвышения государства происходил бурный рост числа органов и работников госаппарата. Являясь частью правящих групп, бюрократия распределяла государственные средства, значительная часть которых шла на оплату управленческих расходов. Увеличение расходов на содержание не сопровождалось возрастанием эффективности деятельности государственных служащих. Нигерийский политолог А. Ауоад отмечает стремительный и непомерный рост «патологической бюрократии», плохо подготовленной к решению труднейших задач постколониального развития, коррумпированной и дорогостоящей» [16].

В 1980-1990-е гг. в африканских странах осуществлялись структурная перестройка экономики, стимулирование развития рыночных отношений, демократические преобразования политических систем. По данным на середину 1993 г., 15 стран Тропической Африки (28%) заявили о переходе к демократии и 24 страны (44%) находились в переходном периоде [17].

Развитие рыночных отношений укрепило позиции национальной буржуазии и других социальных сил, заинтересованных в демократических преобразованиях. По определению французского ученого Ж.-Ф. Байяра, произошел «реванш» африканских обществ [18]. Например, в Кот-д'Ивуаре за 1989-1991 гг. было зарегистрировано почти 50 новых ассоциаций, большинство из которых имели политическую и гражданскую ориентацию [19].

В течение длительного периода в странах Западной Африки деятельность различных общественных организаций более и менее строго контролировалась государственными структурами. Подобное положение было свойственно гражданским режимам К. Нкрумы в Гане, С. Стивенса в Сьерра-Леоне. Тенденция к этатизации институтов гражданского общества существовала в Кот-д'Ивуаре, Сенегале и других странах. Нередко руководители государств стремились использовать общественные организации в интересах укрепления своей власти. Они наделяли лидеров профсоюзов, общественных объединений высокими постами, интегрируя их в механизм государственной власти. Однако в условиях гражданских режимов всегда существовали достаточно влиятельные организации, не находившиеся в прямой зависимости от государства.

По мнению американского исследователя Д. Вудса, всплеск общественной активности на рубеже 1980-1990-х гг. убеждает, что эпоха жесткого контроля правящей элиты и государственной бюрократии над обществом явно заканчивается [20]. Хотя многие общественные ассоциации слабы и фрагментированы, тем не менее они образуют институциональную структуру, в которой формируются новые социальные и политические ценности. В последние годы правительства западноафриканских стран вынуждены вступать в диалог с общественностью, не желающей следовать порядкам, установленным правящей верхушкой.

В первой половине 1990-х гг. попытки демократизации политических систем приняты в Гане, Кот-д'Ивуаре, Сьерра-Леоне, в конце десятилетия — в Нигерии. Новая волна демократической трансформации характеризуется, как и ранее, заимствованием западных политических стандартов и институтов. Однако нынешняя попытка внедрения плюралистической демократии западного типа основана на более прочном фундаменте развивающихся рыночных отношений и подкрепляется импульсами, исходящими от общества. Новые демократические режимы в ряде стран Западной Африки характеризуются отказом от механического копирования государственно-правовых моделей европейского образца. Они пытаются найти «новый жизнеспособный политический синтез», который интегрирует» коммунитарные тра-

диции и институты, существующие в деревнях ..., и новые формы управления, использующие универсальные права человека» [21]. Например, попытка создания режима такого рода предпринята в Гане. Здесь еще в начале 1980-х гг. стали создаваться органы народного самоуправления, которые должны были способствовать децентрализации государственно-управленческого аппарата и обеспечивать участие масс в разработке политики общенационального и местного уровней. Согласно конституции, принятой в 1992 г., учреждались ассамблеи дистриктов, 2/3 членов которых избирались на беспартийной основе, а 1/3 назначалась из числа местных вождей или лидеров местных общественных организаций (ассоциаций рыночных торговцев, благотворительных обществ, молодежных клубов и т. п.). Ассамблеям дистриктов делегируются все основные права по управлению делами административной территории. Развитие местного самоуправления активизировало деятельность общественных организаций. Оно способствует тому, что «растущее число простых жителей теперь имеет облегченный доступ к кредитам, земле, рынкам и другим ресурсам, что содействует увеличению продуктивности и росту доходов...» [22]. Осуществление положений конституции превращает большинство сельского и городского населения в опору правящего режима. Американский исследователь М. Овусу предполагает, что, «возможно, ... нынешняя органическая политическая эволюция знаменует начало реальной независимости Ганы» [23].

Укрепление и сохранение режимов, созданных на «волне» демократизации, остается весьма сложной проблемой. Полные оптимизма прогнозы, характерные для исследований конца 1980-х — начала 1990-х гг. в настоящее время сменились пессимизмом. По всей видимости, модель организации политической власти по западному образцу вновь будет отторгнута. Американские исследователи Дж. М. Мбаку и М. С. Кименьи констатировали, что к середине 1990-х гг. демократизация в Африке застопорилась, «в большинстве стран наблюдается реставрация авторитарных режимов» [24].

Введение многопартийных систем в большинстве случаев существенно не изменяет природы и роли правящей элиты. По наблюдениям политологов, большинство новых режимов в Африке возглавляют «представители старых властвующих» групп, доведших государство и экономику до банкротства» [25]. Правящие элиты не хотят выпускать бразды правления из своих рук. Борьба за власть по-прежнему идет преимущественно в рамках одной и той же группы претендентов. Естественно, что в этих условиях сохраняются прежние стиль и методы государственного управления, старые противоречия и проблемы.

Согласно классической демократической теории, угроза демократии исходит от элиты. Можно вспомнить слова М. Макиавелли о том, что опасность злоупотребления властью исходит прежде всего от людей, которые более всего к этой власти стремятся [26]. Поэтому современный демократический процесс должен включать: ограничение привилегий элиты лишь теми, которые функционально необходимы для осуществления ее полномочий, постоянный контроль народа над правящей верхушкой, возможность неограниченной критики ее деятельности, максимальная гласность, разделение властей и относительная автономия государственно-политических институтов, наличие оппозиции, борьба и соревнование элит, арбитром которой выступает народ [27].

Бюрократия, по мнению африканского исследователя В. О. Ойюджи, «не может служить инструментом для пропаганды демократической практики, не подвергаясь фундаментальным структурным и поведенческим изменениям» [28]. Политические реформы должны создать эффективные, ответственные и подотчетные государственно-управленческие структуры, в противном случае они будут обречены на провал. Известно, что бюрократия способна функционировать продуктивно лишь в том случае, если над ней существует политический эшелон власти, обретающий свою легитимность путем либо традиционной системы передачи власти, либо харизмы, либо

всеобщего демократического выбора. Государственно-административный аппарат, лишенный контроля со стороны других социальных организмов, разбухает, создавая для себя «новые» сферы управленческой деятельности.

Необходимым атрибутом демократизации политических систем в африканских странах должно стать «открытие» бюрократии. Демократия несовместима с тем, что К. Маркс называл «бюрократической тайной». Деятельность управленческих структур должна быть известна обществу и контролироваться последним. М. Вебер отмечал, что демократизацию в обществе можно обеспечить, если предупредить развитие корпоративных статусных групп чиновников путем всеобщей доступности должностей, сделав административный аппарат максимально открытым для талантливых выходцев из всех слоев населения, и уменьшить власть бюрократии в результате увеличения сферы влияния общественного мнения [29].

Насущной задачей для африканских стран является «деполитизация» гражданской службы. До настоящего времени подбор, назначение и продвижение чиновников осуществляются главным образом по политическим мотивам. Именно с этой особенностью связана неэффективность государственно-управленческого аппарата, его неспособность оперативно решать поставленные задачи. Одно из условий прочности демократии - создание независимой гражданской службы. Корпус чиновников должен формироваться не по критерию политической лояльности, а на основе компетентности. Бюрократия должна стать подлинной меритократией — элитой заслуг, способностей и талантов. Основа ее деятельности в демократическом обществе — независимая экспертная оценка.

Распространению принципов демократии западного типа в странах Африки мешает неразвитость элементов гражданского общества, узость социальной основы, отсутствие современного плюралистического сознания. В восприятии большинства африканцев представления о демократии отражают в основном негативные черты этой формы организации власти. Демократия увязывается с такими явлениями, как «коррупция», «рост социальной напряженности, этнических конфликтов», «экономические неурядицы» и т. п. [30]. Подобные представления вполне обоснованы, так как правящая элита использует демократические идеи в своих корыстных целях. Дж. М. Мбаку и М. С. Кименьи подчеркивали: «Пока граждане не будут воспринимать систему распределения ресурсов как справедливую, они не будут доверять национальной элите, а без этого доверия они не будут участвовать в строительстве демократии» [31].

Становление демократических политических систем в странах Западной Африки осложняется гетерогенностью общества, его делением на этнические, конфессиональные и иные группы. Большинство этих общностей соответствует докапиталистической эпохе. Как отметил А. А. Празаускас, в полиэтническом обществе демократия невозможна, если в стране не сформировалась общая для всех народов политическая культура и существуют различные и даже разнотипные этнорегиональные политические культуры [32]. Профессиональная политическая культура в африканских странах складывалась под воздействием Запада, английской и французской традиции, и впитала в себя определенные элементы европейской политической культуры. При этом влияние буржуазно-демократических традиций на стиль поведения правящих групп часто носит формальный характер. Для западноафриканского региона характерно развитие местных политических и общественных структур, оказывающих большое влияние на весь процесс принятия решений. Они определяют как политическую культуру лидеров, так и массовое политическое поведение.

Стабильность и продолжительность пребывания у власти того или иного режима зависит не от содержания лозунгов, которые выдвигают лидеры, а от их способности решать конкретные проблемы своей страны. Правы те исследователи, которые утверждают, что выживание демократии зависит от того, что она дает народу: насколько

она сможет улучшить его материальное положение, поднять грамотность, защитить жизнь и собственность, улучшить здравоохранение, предоставить работу, пищу, питьевую воду, способствовать развитию сельских районов, а также обеспечить безопасность, спасти от ужасов войны и различного рода конфликтов [33]. Если правящие режимы смогут обеспечить стабильное экономическое и политическое развитие, то им обеспечена поддержка населения. Но поскольку не все правительства успешно справляются с африканскими проблемами, то доверие к ним «падает, а первоначальная поддержка демократии заменяется тоской по новому авторитаризму» [34].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие. М., 1983. С. 123.
2. Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. М., 1990. С. 45; Африка: власть и политика. М., 2004. С. 218.
3. Osaghae, E. E. The study of political transitions in Africa // Review of African political economy. Sheffield, 1995. № 64. P. 190.
4. Павлова В. В. Африка в лабиринтах модернизации. М., 2001. С. 27.
5. См.: Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие. С. 277; Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. С. 52-53.
6. См.: Чешков М. А. Государство в «третьем мире»: возвышение, кризис, перспективы // Восток. 1992. № 2. С. 91.
7. Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. С. 54.
8. См.: Lewis, P. M. Political transition and the dilemma of civil society in Africa // Journal of international affairs. 1992. Vol. 46. №1. P. 32.
9. Ibid.
10. Васильев А. М. Гражданское общество в Африке: реалии и мифы // Восток. 1995. № 2. С. 13.
11. Megard, J.-F. L' «big man» en Afrique: Esquisse d'analyse du politicien - entrepreneur // L'annee sociologique. P., 1992. P. 167.
12. См.: Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 19-35.
13. См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 25-26.
14. См.: Восток. 1992. № 5. С. 179-180.
15. Almond, G. A. Political Development: Essays in Heuristic Theory. Boston, 1970. P. 8.
16. Цит. по: The precarious balance: state and society in Africa. P. 112.
17. Schraeder, P. Elites as facilitators or impediments to political development? Some lessons from the «Third wave» of democratization in Africa // Journal of developing areas. 1994. Vol. 29. № 1. P. 75.
18. Цит. по: Clapham, C. Democratization in Africa: Obstacles and prospects // Third world quarterly. 1993. Vol. P. 423.
19. Woods, D. Civil society in Europe and Africa // African studies review. Los Angeles, 1992. Vol. 35. № 2. P. 93.
20. Ibid.
21. Owusu, M. Democracy and Africa // Journal of modern African studies. 1992. Vol. 30. № 3. P. 378.
22. Ibid. P. 396.
23. Ibid.
24. Mbaku, J. M., Kimenyi, M. S. Democratization in Africa // Coexistence. Dordrecht, 1995. Vol. 32. № 2. P. 127.
25. Ihonvbere, J. O. Threats to democratization in Sub-Saharan Africa: The case of Zambia // Asian and African studies. Haifa, 1993. Vol. 27. № 3. P. 221.
26. Цит. по: Ашин Г. К. Элитизм и демократия // Вестник Российского гуманитарного фонда. 1996. № 2. С. 129-130.
27. Там же. С. 130.
28. Oyugi, W. O. Bureaucracy and democracy in Africa // Democratic theory and practice in Africa. Portsmouth-London, 1988. P. 104.

29. Weber M. Essays in Sociology. N. Y., 1964. P. 226.
 30. См.: Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. С. 134-135.
 31. Mbaku J. M., Kimenyi M. S. Op. cit. P. 133.
 32. Парламентаризм и демократия в незападных обществах (круглый стол) //Восток. 1993. № 1. С. 42.
 33. Osaghae E. E. Op. cit. P. 188.
 34. Ihonvbere J. O. Op. cit. P. 221

*Владимир Юрьевич ТИТОВ —
 старший преподаватель кафедры
 отечественной истории
 Иркутского государственного
 педагогического университета,
 кандидат исторических наук*

УДК 323

ПЕРСониФИЦИРОВАННЫЙ ФАКТОР ПРОТЕСТА В СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЕ: ДОМИНИРОВАНИЕ И СОПРОТИВЛЕНИЕ (КОНЕЦ 1960-Х ГГ.)

АННОТАЦИЯ. В статье дана авторская концепция персонифицированного рассмотрения отечественной истории на примере академика А. Д. Сахарова, с использованием материалов Общественного архива А. Д. Сахарова. Интересным является утверждение автора о том, что КГБ и ЦК КПСС признавали за обществом право на оппозиционное осмысление происходящих в стране событий, поскольку было бы ошибкой думать, что такое «разрешенное» мышление могло серьезно угрожать политическому строю страны. Позиция инакомыслящих не была чужда общественному мнению страны, в противном случае они не пользовались бы авторитетом «идеологического противника» бюрократии.

The author taking as example the fate of academician A. D. Sakhorov offers his concept of personified approach to the issues of home history. Attracting documents from Sakhorov's archive the author affirms that both KSS and CC of CPSU recognized the right of society for opposite thinking as it could not threaten political system of the country.

В современной литературе нет единого подхода к изложению истории гласности в Советском Союзе. С точки зрения языковой символики наиболее целесообразно рассматривать развитие русской гласности через персонифицированное отношение наиболее выдающихся общественных деятелей к политическому строю. Персонификация - способ приспособления человека к условиям жизни и деятельности. Это всегда происходит намеренно и осознанно. Некоторым слово «персонификация» покажется необычным. Введением в научный оборот понятие обязано В. В. Крылову. Персонификация предполагает, что благодаря рассмотрению какой-либо темы на фоне биографии людей исторические факты из конкретных, узко ограниченных рамок переходят в состояние, при котором способны осветить отдельные стороны общественной жизни. Критерием отбора фактов для последующего использования в работе служит их предметно-вещественная характеристика. В 1993 г. была опубликована оригинальная статья А. И. Фурсова [1; 62], посвященная роли персонификации фактов в изучении индустриальной цивилизации. За отправную точку исследования А. И. Фурсов предлагал брать факт труда человека. Сама по себе личность, пусть даже очень одаренного исторического лица, его не сильно волновала. Человек